

А. А. Кораблев
ДОНЕЦКИЙ АНДЕГРАУНД СЕРГЕЯ ЗУБАРЕВА

doi: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-45-51

УДК 82(47) ББК 83.3(2)

В статье представлена литературно-критическая феноменология жизни и творчества Сергея Павловича Зубарева (1954–1987) — донецкого поэта, прозаика, эссеиста, культуртрегера. Исследованы знаковые закономерности его биографии: творческие контакты в Москве и Ленинграде (Д. Я. Дар, К. К. Кузьминский, Г. Н. Трифонов и др.); литературно-художественное окружение в Донецке (А. Парщиков, Г. Брайнин, Н. Хаткина, Л. Константинова, Ю. Белянский, А. Глумаков, С. Шаталов и др.); содержание и своеобразие культуртрегерства С. Зубарева; причины и обстоятельства его ранней смерти. Охарактеризованы значимые моменты его творческой реализации, особенности его мышления и художественной манеры. Обзорно и аналитически рассмотрены основные произведения С. Зубарева (эссе «Нравственная эволюция», роман «Второе дыхание», некоторые стихотворения). Предпринята попытка показать жизнь и творчество поэта как сложный, противоречивый, но целостный феномен, представляющий донецкую литературу 1970–1980-х гг. в ее соотношениях с ленинградским андеграундом. Проза С. Зубарева интерпретирована как переходное явление между модернистским и постмодернистским принципами текстопорождения. Поэзия С. Зубарева представлена как ориентированная на творчество Б. Пастернака, О. Мандельштама, М. Цветаевой, но испытывавшая влияние современников (В. Кривулина, А. Парщикова, Н. Хаткиной), а в поздних стихотворениях обретающая черты пушкинской поэтики. Учтены психологические и психофизические особенности личности поэта. В статье использованы малоизвестные и архивные материалы.

Ключевые слова: *Сергей Зубарев, донецкий андеграунд, ленинградский андеграунд, Виктор Кривулин, Александр Пушкин*

«Донецкий андеграунд» существовал в позднесоветское время как скорее персональная творческая потребность, чем социально-культурное бытие. Он проявлялся в виде дружеского интеллектуального общения, циркуляции подзапретных и полузапретных текстов, теоретических интерпретаций альтернативной системы художественных ценностей. Попытки организовать в независимые творческие союзы (журнал «Искатель» в Донецком университете, литературные собрания «Салона Светланы Куралех» и т. п.) строго пресекались контролирующими органами.

Признанным лидером донецкой неофициальной культуры, определяющим ее контуры и смыслы, был Сергей Зубарев (1954–1987) — поэт, прозаик, эссеист, культуртрегер, чья творческая жизнь, короткая, но яркая и содержательная, остается в состоянии полузабвения, хотя заслуживает изучения и осмысления.

Сергей Павлович Зубарев родился в Донецке 5 июня 1954 г. в семье директора института, свя-

занного с атомной промышленностью. Учился в престижной донецкой школе № 2, где в это же время учились поэты Алексей Парщиков и Григорий Брайнин, кинорежиссер Юрий Белянский и некоторые другие творческие личности.

В Донецке же поэт сблизился с другими примечательными людьми: с поэтессами Люсей Константиновой и Натальей Хаткиной, с художником Александром Глумаковым, с фотохудожником и прозаиком Александром Монастыренко, с поэтом и режиссером Сергеем Шаталовым, с юной Еленой Стяжкиной, своей племянницей, будущим историком и писателем... Из их ретроспекций составляется портрет литератора в юности:

«Откуда и когда черпал он знания — для меня загадка. <...> Мы читали одни и те же книги, слушали по радио одни и те же “вражеские голоса”, у нас были общие друзья (очень узкий круг) и общие знакомые. И в каждую секунду ощущал я, насколько больше он знает, насколько глубже мера его анализа. Когда он успевал все это узнавать, а главное — переваривать, — остается для меня тайной, граничащей с чудом» (Ю. Белянский);¹

«Зуб всегда казался, да и был фактически, гораздо взрослее своих однокашников, у которых

Кораблев Александр Александрович — д.филол.н., заведующий кафедрой истории русской литературы и теории словесности, Донецкий государственный университет (г. Донецк)
E-mail: dikoepole@rambler.ru

¹ Белянский Ю. «Всей-то жизни...» // Дикое поле. Донецк, 2002. Вып. 2. С. 53, 54.

и сейчас еще нет ощущения, что они его, наконец, «достали»» (А. Монастыренко);²

«Он — как бы сказать — с детства был гениальным: обладал великолепной памятью, был очень одухотворенным и рано прозревшим человеком. Он, в духовном смысле, был как бы сразу взрослым. И эта духовность не очень-то помещалась в рамках своего социума и его собственного тела» (Г. Брайнин).³

Примем эти и другие суждения во внимание, но не будем придавать им чрезмерного значения. Человеческие качества относительны, а друзья пристрастны. Но что-то в этих характеристиках, особенно если они совпадают, действительно и характерно, по крайней мере относительно ближайшего окружения.

После окончания школы Зубарев решил поступать в главный университет страны — Московский государственный. Выбрал психологическое направление.

Приехал в столицу он заранее очарованным («как на Землю обетованную»), поступил, куда хотел («с блеском»), но быстро разочаровался, увидев в ее интеллектуальных средах «сборище ополумевших снобов». С другими студентами отношения у него не сложились: он видел в них «бичей, рвачей, стукачей», они же его считали «болтуном и пустоцветом». Он был уязвлен: Москва его не приняла и даже не заметила — «не узнала».⁴

Психоаналитически взгляд на эту коллизию мог бы объяснить дальнейшее неосознанное стремление обратить на себя внимание, но, не обладая соответствующей квалификацией, ограничимся констатацией, сославшись на формулировку Г. Брайнина: «Он чудил в общезнании» и «через год был выгнан за свои пороки».⁵ Потерпевший подтверждает: «Меня терпели долго, но в конце концов выгнали с треском...»⁶

Постепенно успокоившись (домашняя обстановка, отдых, общение со школьными приятелями), Сергей вспомнил, что кроме Москвы есть и вторая столица, причем, как он язвительно заметил, «одна из них всегда переживает упадок духовной жизни». Поэтому, не найдя в Москве, что искалось, он решил предпринять вторую попытку, и Ленинград принял его иначе: «тихо», «любезно и ласково» — «как будто ждал».⁷ Со стороны это выглядело так: «Поехал

в Питер, и на встрече с ректором Ленинградского университета сумел так его охмурить, что был принят без экзаменов. Правда, через год его и оттуда выгнали».⁸

Оказавшись в эпицентре инакомыслия, а лучше сказать — творческого инобытия, что должен был чувствовать юноша с периферии? Вероятно, было в нем что-то отвечающее местным вызовам, если он не растерялся и не потонул в этой среде.

Его жизненный потенциал начал реализовываться в соответствующих условиях. Хотя выглядел этот момент как обычная случайность. Редактор факультетской стенной газеты Александр Маслов попросил Сергея Зубарева написать рецензию на книгу Курта Воннегута «Колыбель для кошки». Книга оказалась катализатором размышлений поэта: рецензия разрослась на 15–16 страниц, но редактора это не смутило. Стенгазета «Леонардо» выпускалась на нескольких листах ватмана, и весь ее выпуск занял текст Зубарева, озаглавленный так: «НРАВСТВЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ, которой не бывает, или ЧЕРНЫЙ ЮМОР КУРТА ВОННЕГУТА. Книга “Колыбель для кошки”. Открытое письмо Арчибальду Честертону от 5 марта 1973».

Успех был оглушительный. Читать газету сходились, казалось, из всех питерских кухонь и кочегарок. Рецензию прочитали и пожелали познакомиться с автором такие атланты ленинградского андеграунда, как К. К. Кузьминский, Д. Я. Дар, В. А. Соснора, Г. Н. Трифонов, Г. С. Гор. Рецензия стала визитной карточкой и поводом для общения с Д. Д. Шостаковичем, М. Л. Ростроповичем, Г. И. Вишневской, Т. И. Сильман, Б. Л. Куприяновым, А. Б. Геннадиевым.

Трудно поверить в такое количество встреч с именитыми академиками или лауреатами, было это счастливое стечение обстоятельств, достигнутый благодаря таланту круг общения или сплошная хлестаковщина? Последнее маловероятно, потому что об этих контактах сохранились свидетельства.

Вот, например, четверостишие В. Сосноры, подаренное Зубареву после прочтения «Нравственной эволюции» (с припиской внизу: «... победителю зла и борцу с ним»):

Когда жизнь — это седьмой пот райского древа,
Когда жизнь — это седьмой круг дантова ада,
Пусть нет сил, а стадо свиней жрет свой

желудь, —

Зови зло, не забывай мой мир молний.⁹

² Дикобраз [А. Монастыренко]. «Минимум жизни» Сергея Зубарева, или Трагикомические ювеналии // Дикое поле. 2002. Вып. 2. С. 69.

³ Брайнин Г. Гений общения / Запись В. М. Авцена // Дикое поле. Донецк, 2002. Вып. 2. С. 61, 62.

⁴ Зубарев С. Второе дыхание. Главы из несуществующего романа // Дикое поле. Донецк, 2002. Вып. 2. С. 95, 96.

⁵ Брайнин Г. Гений общения. С. 62.

⁶ Зубарев С. Второе дыхание... С. 97.

⁷ Там же. С. 98.

⁸ Брайнин Г. Гений общения. С. 62.

⁹ Панин Н. А. [Зубарев С. П.]. Левый Звонок: эссе, очерки, статьи и речи. Ч. 1 [Самиздат] // Архив Л. Б. Белянской. С. 5.

Или вот начало стихотворного посвящения Сергею Зубареву от Геннадия Трифонова:

Будь ты началом и этих стихов —
этих очнувшихся исчезновений,
этих из снов возникающих слов,
что и теперь оживляют твой гений.¹⁰

Что же особенного было в этой «рецензии»? Успеху способствовал, как можно понять, удачно выбранный тон, легкий без пустот и парений, стильный без нарочитости, органично-личностный, свободный, ироничный и, что особенно располагает, самоироничный:

«Писать о хорошей книге — значит только использовать удобный и приличный повод, чтобы тихо и незаметно высказывать свои мнения о разных вещах. Причем важно, чтобы книга была действительно хорошей. Во всех остальных отношениях роли она уже не играет.

Отдадим должное таланту Курта Воннегута: книгу его читать интересно, он умеет заразить читателя тем, что сам называет вин-дитом, то есть, проще говоря, желанием подумать. И полно о нем».¹¹

Если контролирующие органы внимательно прочитали «Нравственную эволюцию», то должны были понять, что это не просто литературное хулиганство и не только эстетская выходка, но кое-что похуже — подрыв основ, аннигиляция самого понятия нравственности. Но обвинить в этом означало бы привлечь дополнительное внимание, вызвать еще больший шум.

И тут виновник сам приходит на помощь кураторам, переходя от декларации к соответствующему поведению. Хотя резонно предположить и обратную последовательность: декларация была попыткой объяснить свои природные слабости. «Ему были свойственны все пороки, какие только можно себе представить», — говорит Г. Брайнин.¹² Конечно, это преувеличение, простительное поэту, но характеристика показательная.

«Защитная реакция обывателя заставляет в личности пророка искать исключительно порочные качества...», — оправдывает друга детства Ю. Белянский,¹³ возможно, вспомнив посвященные ему строки:

Когда же говорят, что очень глупо
Моих забав веселое начало,
Я отвечаю так, как отвечал бы,
Когда мне ничего не говорят.

Изгнанный из Москвы и Ленинграда, но наполненный впечатлениями и с чемоданом книг и рукописей, Зубарев вернулся в родной город. Отягощенный знанием другой культуры, испытывавший другой способ бытия, он поступил в Донецкий университет. Ввиду отсутствия в нем психологического факультета пришлось учиться на историческом — оставив недораскрытыми тайны души, обратиться к секретам истории. От яркого света — через глубины падения — к общественному самосознанию: такая вот блоковская «трилогия вочеловечения». Образумился ли Зубарев, остепенился? Отнюдь нет. «Он написал реферат о советских профсоюзах, этот реферат получил оценку “отлично”, прошел на всесоюзный конкурс, где тоже занял призовое место. В нем было много цитат, но ни одной подлинной — все придуманы Зубаревым! Например: “И ошибается тот, кто думает, что советские профсоюзы...” и т. д. И подпись — Л. И. Брежнев».¹⁴

Можно подумать, что этот московско-ленинградско-донецкий треугольник — его персональные бермуды, его географическая история, точки пространства, сопрягающие времена, явленная графема его геопоэтики. Заряженный своим творческим потенциалом и влекомый в места, сулящие максимальную творческую реализацию, он тестировал своими перемещениями и пространство, и время, и себя.

Сама траектория его переездов была знаковой. С Москвой совпадение если и было, то неполное, пробное, адаптивное. А в Ленинграде он сразу стал своим, совпал с его кругами и линиями, с его поэзией и поэтами. Возвращение в Донецк воспринималось Зубаревым, наверное, драматично — как возвращение брошенного ввысь камня. Надо было что-то делать, а делать было нечего. Родная земля приняла его, но прервала полет.

Жизнь продолжалась и, как ни странно, продолжалась так, будто в этом продолжении заключался более важный смысл, чем тот, который ему виделся среди химер Фальконе и Монферрана.

«Зуб вернулся в Донецк и стал для нас “своим Даром, Кузьминским, Сереном Кьеркегором”, чтецом, просветителем и вдохновителем душ. Многие прошли через его литературно-психологический кабинет — квартиру на Постышева», — так определяла донецкую миссию Люся Константинова.¹⁵ Может быть, это главное,

¹⁰ Трифонов Г. Напрасные стихи. [Машинопись] // Архив А. А. Кораблева.

¹¹ Панин Н. А. [Зубарев С. П.]. Левый звонок... С. 11.

¹² Брайнин Г. Гений общения. С. 61.

¹³ Белянский Ю. «Всей-то жизни...» С. 53.

¹⁴ Брайнин Г. Гений общения. С. 62.

¹⁵ Константинова Л. Зубарев и его время. [Машинопись] // Архив Л. Б. Белянской.

что он сделал в своей жизни. И кто знает, может быть, это было главным изначально — быть там и быть тем, где он нужнее.

Трудно разграничить, что было в Зубареве от природы, а что от его воли и волений. Были его ухищрения глотком свободы или искусством подмены? Эти и подобные им вопросы могут казаться казуистикой, но без них сложно осмыслить педагогику зубаревской жизни. «Он рано начал пить, — рассказывает Г. Брайнин. — Помню, мы ездили в Краснодон на экскурсию, он налил в термос горячий коньяк, а наша классная думала, что это чай. И мы все напились. За что его хотели выгнать из школы. Это было в 8-м классе».¹⁶ История эта, как можно помыслить, не только характерная, но и символичная. Так же и позже, уже среди повзрослевших друзей, рассуждая о смыслах сущего и несущего, он искусно смешивал или подменял похожие субстанции. Его квартира в самом центре Донецка становилась большой колбой, в которой производились какие-то алхимические опыты над вскипающим сознанием.

Ю. Белянский вспоминает: «Сергей Зубарев часто говорил о себе: “Я — дилетант, но во всём!” Как мало общего имел его “дилетантизм” со всеобщим дилетантством нашего времени! Его “дилетантизм” стоял на прочном фундаменте подлинно глубоких знаний и превосходного вкуса как следствия высокой культуры личности».¹⁷

Г. Брайнин: «Он был человеком с энциклопедической памятью, с ним можно было говорить на любые темы. <...> Это было компетентное общение, что было большой редкостью и большой ценностью. У него дома бывали капустники, он специально их собирал, на которых каждый читал свои стихи, потом это обсуждалось. Ну, естественно, при этом пили, общались. С ним были знакомы все творческие личности элитарного склада».¹⁸

Среди новых друзей Зубарева оказался и тот, кто стал его харизматическим наследником — Сергей Шаталов. «Я с ним познакомился на излете его бытия, — будет рассказывать он на встрече с новым поколением донецких любителей словесности. — Однажды прихожу к нему. Пустая комната. Он убрал все, даже стол. Разложил на полу книги — любимые свои стихи, и к каждому стихотворению поставил рюмочку, стаканчик, чашечку, вазочку. Подходит, читает стихотворение — “Хорошо!” — и пьет с этим ав-

тором, и вот так по кругу... Сергей Зубарев — это был театр, в его уличном варианте, соединенный с природой, с природными вибрациями, некая медитация на тему всего, что я вижу и с чем не хочу расстаться, но я с этим расстаюсь...» (из выступления С. Шаталова в помещении Союза писателей ДНР 4 декабря 2014 г.).

Закрепляя успех «Нравственной эволюции», в том же 1973 г., но уже в другом пространстве Зубарев написал еще несколько эссе и очерков: «Натуральная этика мироздания» (июль 1973 г.), «Поэзия и рассудок» (июль 1973 г.), «Сентябрьские тезисы о психологии творчества» (сентябрь 1973 г.). Через три-четыре года он опубликовал их «самиздатом» под псевдонимом «Николай Апостолович Панин». На экземпляре, подаренном сестрам Люсе и Тане Константиновым, он оставил черным маркером такую подпись, выступающую своеобразным введением: «Это — первый пароксизм того же юношеского кокетства: его называют духовностью. Это — эстетизм — против эстетизма. Это скепсис. Но невежество — жестокость юности. Жестокость — проходит, даже если невежество остается: ее занимают те вещи, которые ее заменяют. А заменяют жестокость юности нежность к тем, кто понимает тягости ее истоков».¹⁹

Примерно тогда же и в том же виде, под тем же псевдонимом «Н. Панин», но без отчества, был отпечатан и переплетен сборник «Афоризмы и максимы» (1976) с пометой «Исключительно для домашнего применения!». С двумя эпиграфами — из И. Канта и О. Уайльда, что показательно, и с обещанием продолжения — «Том первый». И то же время записей — 1973–1975 гг. Всего — 245 афоризмов (включая 4 вклейки).

В предисловии к сборнику, обозревая свои россыпи, автор счел нужным высказать два тезиса о себе: «Один мудрец сказал, что скромность украшает тех людей, кому больше нечем себя украсить. Он забыл добавить, что те люди, которым нечем украсить, кроме скромности, тщетно пытаются украсить себя вообще. Их усилия столь же бесплодны, как и искусство. <...> Буду пророчествовать не стесняясь!»²⁰

Афоризмы пронумерованы:

«1. Творчество хорошо тем, что молодит стариков и дает юнцам права на стариковскую

¹⁶ Брайнин Г. Гений общения. С. 62.

¹⁷ Белянский Ю. «Всей-то жизни...» С. 54.

¹⁸ Брайнин Г. Гений общения. С. 64, 63.

¹⁹ Панин Н. А. [Зубарев С. П.]. Левый звонок... [Форзац].

²⁰ Панин Н. [Зубарев С. П.]. Афоризмы и максимы... С. 5.

авторитарность. Оно хорошо тем, что каждому дает свое.

2. Фауст — воплощенная мечта о счастье как о жизни вне своего поколения. Получается, что без сатаны творчества не выходит.

3. Споры раскрывают не истины, но характеры спорщиков».²¹

На последней странице — сентенции, воспринимаемые как заключение:

«237. Ни одна из наук не учит такому скептическому отношению к морали, как история.

238. Человек, конечно, конечен в конечном мгновении, но в бесконечном мгновении бесконечен лишь мой ум... паче такой имеется...

239. «Мир так несправедлив и так подл, что пускай хотя бы мой дом превратится в пенаты справедливости» — так, я полагаю, думал Нерон, наблюдая со своего холма пожар Рима...»²²

В декабре 1974 года Зубарев начинает писать роман с примечательным названием «Второе дыхание». Была, видимо, потребность зафиксировать и осмыслить свое 20-летие. Небольшой срок, но уже отделенный от продолжающейся жизни.

Жанровое определение этой вещи располагает к целостному и объемному восприятию того, что представлено отдельными отрывками, связанными между собой только субъектом повествования. Но название концептуально — оно не только связывает все части, но и структурирует их по смыслу и форме существования. Жизнь в романе разделена на два плана — обыденная («полубытие», «толпа», *homo normales*) и подлинная («духовное бытие», то, что автор называет «вторым дыханием»).

Роман Зубарева — о переходе от быта к бытию, не выводящему из лабиринта, а поднимающему над ним. Эта высота и есть «второе дыхание» — другой ритм, другой воздух, другая жизнь, другая судьба. Свобода. Спасение. Искусство.

Дописанный до половины, роман остановился. Автор вдруг понял, что искусство «не освобождение, а порабощение». Потому что оно — *одержимость*.

Неоконченность зубаревского романа сродни гоголевской поэме: она онтологична. Она предполагает, что завершение сопряжено с изменением самого автора, и не только его сознания, но и бытия.

Обрыв романа — это не обычная история, не законченная по причине смерти, болезни, лени или какой-либо иной немоги автора, а осознанное и волевое решение. В этом случае лень

если и присутствует среди прочих причин, то не обычная, а экзистенциальная, когда главное уже сказано и не представляется значимым придумывать, как многозначительно прекратить повествование — как не замолчать, а умолкнуть.

Литературная игра не устраняет и не умаляет значимость авторского объяснения, указывающего на ложность идеи, двигавшей роман в течение пяти месяцев. Похоже, само произведение в процессе интенсивных авторских саморефлексий вызвало переоценку ценностей и смену творческих интенций.

В формальном плане начатое как неомодернистское, повествование постепенно обретает постмодернистские признаки: автотематику, центонность, деконструкцию. Своеобразно в нем проявляется и «смерть автора»: ожидаемая реальная смерть реального автора вторгается в повествование как фактор его трансформации. Автор мыслит окончание романа как аналог конца своей жизни и выбирает не умирание, а гибель.

В содержательном плане все иначе. Рукописному финалу, сменившему машинопись, предпослана пушкинская цитата, воспринимаемая как эпиграф: «Кончаю, страшно перечесть».²³ Понятая буквально, она означает, что роман все же закончен («кончаю»), но закончен по-пушкински, с формально открытым финалом, но концептуально завершенным.

Значима и сама отсылка к Пушкину, которая отлична и от модернистского осовременивания, и от постмодернистской травести. Это прямое, непосредственное, *не призматическое* отношение к классике. Более того, это не частный случай, а часть закономерного эпиграфического ряда, начатого еще в «Нравственной эволюции» и участвовавшего в поздних донецких текстах Зубарева: «Учитесь властвовать собою. / Не всякий вас, как я, поймет. / К беде неопытность ведет» («Нравственная эволюция»), «Тебе — но голос музы темной / коснется ль уха твоего?» («Элегия»), «Не дай мне бог сойти с ума. / Нет, легче посох и сума...» («Сведи меня с ума!...»), «Учитесь властвовать собою. / Не всякий вас, как я, поймет. / К беде неопытность ведет» («Тяжелый март»), «Октябрь уж наступил» («После стихов»)...

Соединив эти точки, получим явленный вектор, проступившую перспективу — и призрачную надежду на «выход». Фундаментальная оппозиция жизни и творчества («первого» и «второго» дыхания), которая предопределяла стремления и страдания героя, перед лицом реальной смерти оказалась мнимой, обманной,

²¹ Там же. С. 6.

²² Там же. С. 47.

²³ Зубарев С. Второе дыхание... С. 109.

подменяющей какую-то иную жизненно-смертную напряженность.

По-видимому, это был выбор. Стихи Зубарева стали обретать классическую ясность и крепость, прониклись какой-то антиавангардной, не ироничной и не стилизованной одухотворенностью. Завершая собрание *последних стихов* «Тяжелый март», поэт создает свою вариацию пушкинского «Памятника»:

Нет, весь я не умру.
Я знаю, жизнь моя
еще кому-нибудь случайно пригодится,
еще моим стихам тревожить соловья,
еще черновикам в страницы превратиться —
и изумить собою белый свет,
поскольку для поэта смерти нет,
а есть движение всегда последних слов
к тому, что первая в себе хранит любовь.²⁴

Пушкинские строки в стихах С. Зубарева создают впечатление, что он, как подбитый летчик, пытался выйти из смертельного пике. Но по воспоминаниям друзей герой хотя и держался мужественно, но не пытался выжить.

«Мы старались его оберегать от пьянок, но у него появились новые дружки. Он их специально находил, чтоб его никто не ограничивал. Говорил, что все равно ему ничего не помогает, лечиться он не хочет и смысла особого в жизни не видит. Казалось, он и не очень хотел дальше жить. Было ощущение, что он сознательно шел к такому концу. Он много пил, глотал таблетки, сам себя уничтожал».²⁵

Наверное, он действительно чувствовал, что его жизнь завершается, потому что написал:

Я в воде ключевой
На заре утоплюсь,
На заре удавлюсь
И под снегом замерзну.
Но потом я очнусь
И почувствую грусть
И вдохну ароматные
Звезды.

Так и случилось. Его обнаружили замерзшим на даче. Был пьян, сердце не выдержало: «Сутки-двое его не могли найти. Потом отец догадался поехать на дачу и нашел его там мертвым».²⁶

«Папа выбрался к вечеру, автобусом, дверь была распахнута и снегу намело на пол в прихожей, на стол с листами бумаги, с коробочками и таблетками... <...> Вез его папа домой на саноч-

ках через весь город, как когда-то из детского садика — по скрипучему снегу, под звездочками небесными, к маме».²⁷

На похороны поэта приехал его школьный товарищ Алексей Парщиков, чей «Мемуарный реквием Зубареву» (1988), двенадцать двенадцатистрочных строф с крылатой строкой «Ты посетил луну и даже ею был»,²⁸ предположительно предваряет будущую книгу воспоминаний и дает ей название.

Важнейшую работу провела Нина Гринберг, собравшая и перепечатавшая для друзей уцелевшие тексты С. Зубарева и этим сохранившая хотя бы часть из них. Остается надеяться, что не окончательно затерялись и другие рукописи, а также рисунки, картины, книги.

«Осталось много рукописей, вперемешку — и его, и не его. Но умерла мать, умер отец, и все это пропало. Картины Кандинского были. Графика Шемякина... Все исчезло».²⁹ Конкретнее о картинах в его романе: «Это мое жилье. Здесь вроде б то все есть: и Глумаков, и Михнов, и Шемякин, и Левитин...».³⁰ Художнику А. Глумакову запомнилось: «Комната увешена картинами неизвестных тогда художников — Михнов, Шемякин, Росс, Путилин».³¹

Первые посмертные публикации С. Зубарева осуществил С. Шаталов: в «Антологии русского верлибра» (1991),³² в журналах «Collegium» (1993),³³ «Звезда Востока» (1993),³⁴ «Многоточие» (1995).³⁵ С одной из этих публикаций произошел курьезный случай. В Киев приехал Виктор Кривулин, и редактор «Collegium'a» Д. Бурого, желая попотчевать гостя стихами неизвестного автора, прочитал ему кое-что из опубликованного. Кривулин слушал внимательно, после чего сказал: «Да, стихи хорошие. Но это мои стихи». (Это были «Категорический императив» и «Смерть поэта», опубликованные, кстати, под авторством С. Зубарева и в «Звезде

²⁷ Хаткина Н. Частный случай левитации. С. 47.

²⁸ Парщиков А. Мемуарный реквием Зубареву // Алексей Парщиков: поэт. URL: <http://parshchikov.ru/steklyannye-bashni/memuarnyi-rekviem-zubarevu?ysclid=lwvo8ezgdd428278016> (дата обращения: 16.05.2024).

²⁹ Брайнин Г. Гений общения. С. 65.

³⁰ Зубарев С. Второе дыхание... С. 81.

³¹ Глумаков А. Свеча // Дикое поле. 2002. № 2. С. 60.

³² Зубарев С. [Стихи] // Антология русского верлибра. М., 1991. С. 221, 222 [«Я родился?...»; Высшая математика; «Куда ты поплывешь свеча...»].

³³ Он же. [Стихи] // Collegium. 1993. № 1. С. 132, 133 [Категорический императив; «Я родился?...»; Смерть поэта; «Куда ты поплывешь свеча...»].

³⁴ Он же. [Стихи] // Звезда Востока. 1993. № 9. С. 31 [Категорический императив; Смерть поэта].

³⁵ Он же. [Стихи] // Многоточие. 1995. № 2. С. 35–37. [«В детстве нам запрещал...»; «Пространство по имени сон...»].

²⁴ Зубарев С. П. Нет, весь я не умру // Архив А. А. Кораблева.

²⁵ Брайнин Г. Гений общения. С. 64.

²⁶ Там же. С. 65.

Востока». А произошло это потому, что в архиве донецкого поэта его тексты находились вперемешку со стихами его друзей и знакомых).

Так началось возвращение Сергея Зубарева в историю русского андеграунда, а через некоторое время продолжилось в виде публикаций, воспоминаний и очерков. В 2002 г. в донецком журнале «Дикое поле» были опубликованы его роман «Второе дыхание» с предисловием А. Кораблева и воспоминания об авторе Ю. Белянского, Е. Стяжкиной, Л. Константиновой, А. Глумакова, Г. Брайнина, С. Шаталова, А. Монастыренко.³⁶

В 2004 г. в том же журнале было отмечено 50-летие поэта его стихотворением «Россия, россы — сломанный ковчег...»³⁷ В 2015 г. Л. Константинова написала мемуарное повествование «Зубарев и его время».³⁸ В 2019 г. в антологии «Уйти. Остаться. Жить» опубликованы три стихотворения С. Зубарева,³⁹ а на сайте «Текстура» помещен очерк В. Исмиевой «Стоп-кадр между эпохами. О поэзии Сергея Зубарева (1954–1987)».⁴⁰

Научное и философское рассмотрение феномена Сергея Зубарева еще ожидает своих исследователей.

Alexander A. Korablyov

Doctor of Philological Sciences, Donetsk National University (Donetsk)

E-mail: dikoeполе@rambler.ru

DONETSK UNDERGROUND OF SERGEY ZUBAREV

The article presents the literary and critical phenomenology of the life and work of Sergei Pavlovich Zubarev (1954–1987), a Donetsk poet, novelist, essayist, and Kulturträger. It investigates the significant patterns of his biography: professional contacts in Moscow and Leningrad (D. Ya. Dar, K. K. Kuzminsky, G. N. Trifonov, etc.); literary and artistic environment in Donetsk (A. Parshchikov, G. Brainin, N. Khatkina, L. Konstantinova, Yu. Belyansky, A. Glumakov, S. Shatalov, etc.); the content and specifics of S. Zubarev's cultural heritage; the causes and circumstances of his early death. The significant moments of his creative realization, the peculiarities of his thinking and artistic manner are characterized. The main works of S. Zubarev are reviewed and analyzed (the essay "Moral Evolution", the novel "Second Wind", some poems). An attempt is made to show the poet's life and work as a complex, contradictory, but integral phenomenon representing Donetsk literature of the 1970–1980s in its relations with the Leningrad underground. S. Zubarev's prose is interpreted as a transitional phenomenon between modernist and postmodern principles of text generation. S. Zubarev's poetry is read as focused on the work of B. Pasternak, O. Mandelstam, M. Tsvetaeva, but influenced by contemporaries (V. Krivulin, A. Parshchikov, N. Khatkina), and in later poems acquiring the features of Pushkin's poetics. The psychological and psychophysical characteristics of the poet's personality are taken into account. The article uses little-known and archival materials.

Keywords: *Sergey Zubarev, Donetsk underground, Leningrad underground, Viktor Krivulin, Alexander Pushkin*

REFERENCES

- Belyansky Yu. ["All my life..."]. *Dikoye pole* [Wild Field], 2002, iss. 2, pp. 53–54. (in Russ.).
- Brainin G. [A Genius of Communication]. *Dikoye pole* [Wild Field], 2002, iss. 2, pp. 61–62. (in Russ.).
- Glumakov A. [The Candle]. *Dikoye pole* [Wild Field], 2002, iss. 2, pp. 60–61. (in Russ.).
- Ismieva V. [A Stop-Frame between the Epochs. About Sergey Zubarev's Poetry (1954–1987)]. *Tekstura* [Texture]. Available at: <https://textura.club/stop-kadr-mezhdu-epohami/?ysclid=lwvm451v3j525008397> (accessed: 19.12.2024). (in Russ.).
- Monastyrenko A. [Sergei Zubarev's "Minimum of Life", or Tragicomic Juvenalia]. *Dikoye pole* [Wild Field], 2002, iss. 2, p. 69. (in Russ.).
- Для цитирования: Кораблев А. А. Донецкий андеграунд Сергея Зубарева // Уральский исторический вестник. 2025. № 1 (86). С. 45–51. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-45-51.
- For citation: Korablyov A. A. Donetsk Underground of Sergey Zubarev // Ural Historical Journal, 2025, no. 1 (86), pp. 45–51. DOI:10.30759/1728-9718-2025-1(86)-45-51.

³⁷ Дикое поле. 2004. Вып. 6. С. 298.

³⁸ Константинова Л. Зубарев и его время.

³⁹ Уйти. Остаться. Жить: Антология Литературных чтений «Они ушли. Они остались». М., 2019. Т. II (ч. 2). С. 433–435.

⁴⁰ Исмиева В. Стоп-кадр между эпохами. О поэзии Сергея Зубарева (1954–1987) // Текстура. URL: <https://textura.club/stop-kadr-mezhdu-epohami/?ysclid=lwvm451v3j525008397> (дата обращения: 16.05.2024).

³⁶ Дикое поле. 2002. Вып. 2. С. 53–111.